

Иван Чуркин

**ПРЕПОДОБНЫЙ
НИКОН РАДОНЕЖСКИЙ**

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва • 2014

Открывая серию

Дорогие читатели!

В год 700-летия со дня рождения преподобного Сергия Радонежского в нашем издательстве выходит в свет серия книг для детей «Святая Отчизна». Каждая книга посвящена одному из учеников и собеседников Игумена земли Русской. Также в этой серии будут представлены книги, посвящённые ученикам тех святых, которые подвизались под духовным руководством преподобного Сергия Радонежского.

Множество небесных птиц над обителью явились когда-то чудотворцу Сергию. Они стали прообразом достойных учеников великого наставника. Многие «птицы Сергиевы» нам хорошо известны: преподобные Никон Радонежский, Савва Сторожевский, Афанасий Высоцкий. О других же история оставила весьма скромные сведения, но эти святые не менее значимы: преподобные Роман Киржачский, Никита Костромской, Мефодий Пешношский и многие другие.

Мы надеемся, что Жития преподобных в переложениях современных авторов станут для вас полезным и радостным чтением. Вспомним слова, которые приведены в одной из бесед преподобного Варсонофия Оптинского: «...читайте Жития святых, особенно

Жития преподобных. Преподобный — это человек, исполнивший заповедь: *Будите убо вы совершени, якоже Отец ваш Небесный совершен есть* (Мф. 5:48). Преподобные очистили душу свою и осветили её так, что она по своим свойствам стала подобна Богу. Понятие о подобии предметов мы встречаем в математике: один треугольник маленький, другой — большой, но по свойствам своим этот маленький совсем похож или подобен большому, подобен, но не равен. И в природе мы часто наталкиваемся на случаи подобия предметов. Люди, по свойствам души своей уподобившиеся Богу, называются преподобными. Раньше их жизнеописаниями интересовались, теперь эти книги основательно забыты, к великому нашему несчастью»¹.

Серия книг «Святая Отчизна» призвана возродить интерес к чтению жизнеописаний святых, пробудить в юном человеке любовь к подвигу великих угодников Божиих. Кого сегодня молодые люди считают героями? На кого хотят походить? Ответы на эти вопросы могут быть самыми различными. Но как хорошо, если бы именно святых, уподобившихся Самому Богу, молодые люди выбирали примером для подражания.

Итак, перед вами первая книга серии, посвящённая преподобному Никону Радонежскому — ближайшему ученику и преемнику преподобного Сергия...

¹ Преп. Варсонофий Оптинский. Беседы. Келейные записки. Духовные стихотворения. Воспоминания. Письма. «Венок на могилу Батюшки». — Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина Пустынь, 2012. С. 360.

ЯКО ЧАДО СВЕТА

к закату клонился год 1352-й. И уж как во Владимирской земле ждали первого снега, а за ним морозца — устали люди от страха, слёз и горя. Казалось, по всему белому свету гуляло моровое поветрие, выкашивало семью за семьёй, дом за домом.

Владимирский князь Симеон Иванович Гордый каких только грозных приказов ни рассылал по народу, а толку не было — моровая язва праздник праздновала.

— За грехи наши, — шептались в Юрьеве-Польском, страшились, но шли к крепостной стене. Там скопились прохожие и нищие, а теперь вот надо собирать умерших и предавать их земле. Боялись заразиться, да что поделаешь: христианские души, настрадавшись, должны обрести покой.

Дождались люди — с утра выпал пушистый снег, неровно так лёг на тонкий ледок реки Колокши, а застенчивое солнышко вызвало улыбку: даст Бог, с холодком и болезнь уляжется. Вымерзнет. Сойдёт на нет.

— Ты гляди-ка, матушка, каким ярким утром младенец наш на белый свет появился. Зайчики прямо с креста святого Георгия в наших окнах играют.

— Слава Богу! Сберегли мы с тобой младенца.

Хозяин с лавки поднялся, к зыбке подошёл, а в ней долгожданный ребёнок лежит, улыбается, пухлыми губками причмокивает.

— Имя, поди, уж давно ему придумала, только скрытница ты у меня, в потаёнке его держишь.

— Никоном его надумала назвать, если против не будешь. По святцам посчитала, Никоном и выходит.

— Так что же? Крепкое имя.

А во Владимирском княжестве, да что там в княжестве — в небольшом их родном городке, этой радости никто и не заметил, и только когда счастливые родители вышли с живым кулёчком на улицу да направились в сторону Георгиевского собора, все соседи, а потом и совсем незнакомые люди тихо поздравляли молодых родителей.

— Вот и помощник появился, — не стеснясь, говорили одни.

— Что бы ни случилось, а жизнь продолжается, — задумчиво произносили другие.

— Жить нашему Юрьеву и дальше, пока в нём живые души нарождаются, — сходились во мнении люди. — Это к хорошему.

Батюшка в церкви прослезился, увидев младенца. За последнее время священнику всё больше заупокойную службу приходилось творить, а купель стояла, будто сирота круглая.

Сегодня в ней голубится святая вода, переливается в приглушённом солнечном свете, который тихо и застенчиво льётся из-под купола собора.

С сыном Никоном вышли из храма родители и покашли, пока дома любовались на крестик, что прильнул к детской груди, всё говорили и говорили, каким будет сын, чем будет заниматься, какой помощник из него вырастет...

Время незаметно бежит. Только берёзу под окном посадили, глядишь — а она уже тень на голову бросает. И не заметили родители, как поднялся и окреп Никон. Косой

в заливных лугах укладывал в валки душистую траву. Топором помогал поднимать к небу избу. С неводом ловко управлялся. Вместе с батюшкой и матушкой вставал утром и ложился вечером с молитвой, а в свободную

минуту с радостью читал священные книги.

— Это куда у нас хлеб подевался? — интересовалась мать.

— Прохожие шли, милостыню просили. Как не дать? — отвечал сын.

А потом уже и спрашивать не стали, видели, как торопится он в храм, где с батюшкой подолгу беседует.

— Хорошо мне в церкви, сердце замирает, — с волнением говорил Никон. — Слышу молитву, и такое на душе, будто она только для меня и звучит.

Любое доброе дело по душе Никону, но храм особенно притягивал отрока. Он там свой, родной.

Так и проводил свои детские годы преподобный Никон, пока не встретил у дома согбенного старика с мальчиком.

— Куда направляетесь? — спросил он их.

— К батюшке Сергию идём, в Троицкий монастырь, — отвечали те с поклоном.

— Не слышал о таком, — присел на лужайку Никон.

— Заступник наш, молитвенник. А уж труженик, каких не видно сегодня. Все княжества пешком исходил — князей совестит, говорит, так и будет народ страдать, пока вы не обретёте мир между собой. С ним поговорить — заново родиться. Есть ли ещё молитвенники такие, не знаю, — крестился старик.

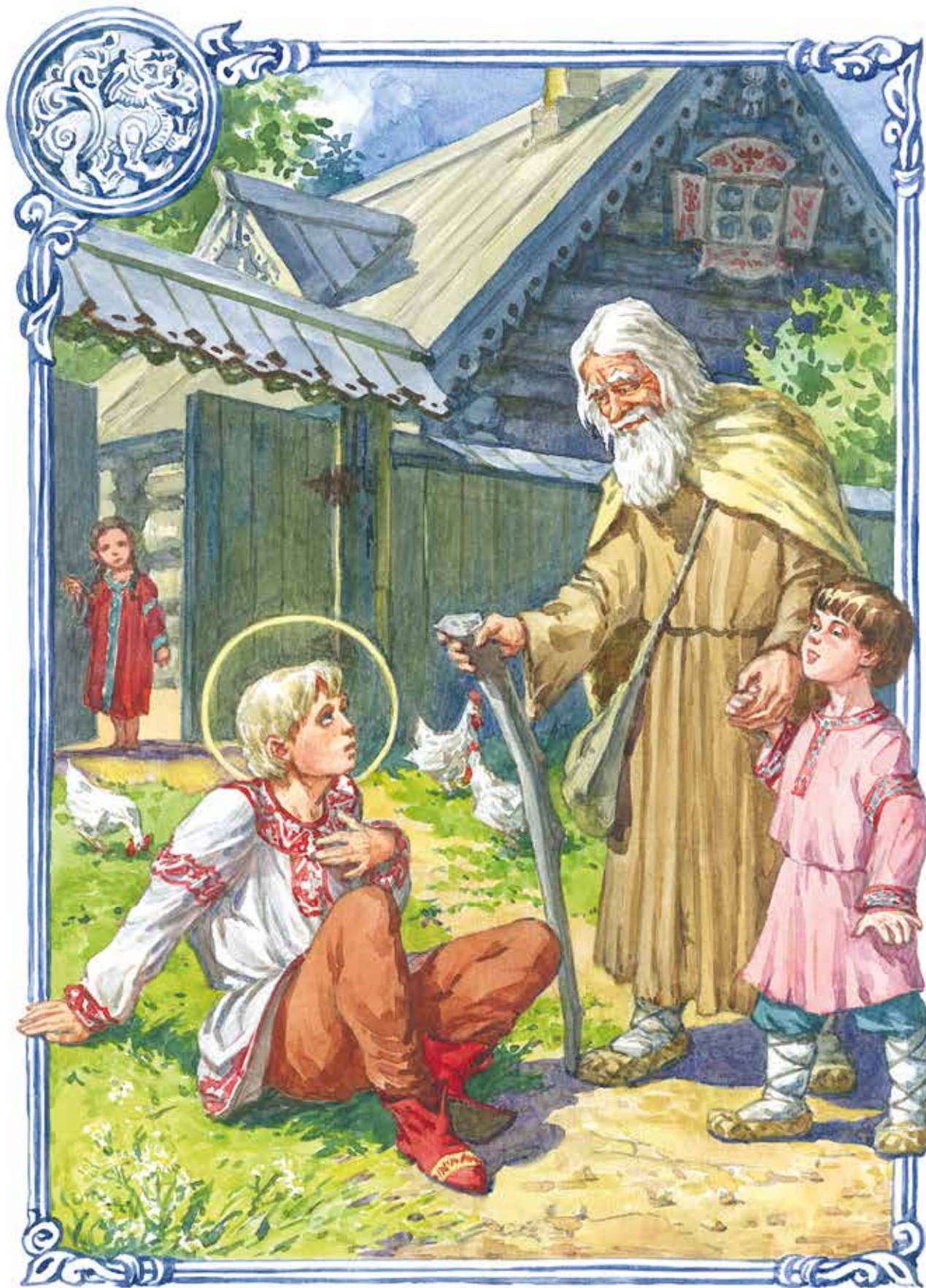
Да много ещё рассказывал об отце Сергии.

Услышав об ангельском житии блаженного¹ инока, который собрал братию и основал монастырь в окрестностях города Радонежа, Никон будто захворал. О чём бы ни думал, какое бы дело ни делал, а сам там, на горе Маковец, в неведомом Радонеже.

«Говорил же старик, что игумен Сергей с братией скорби радостно терпит, — думал Никон, — и я желаю того же».

Об этом не раз заводил речь с родителями. И жалко было отцу с матерью отпускать единственное чадо от себя, да понимали: сын

тянется к Богу. Сами выросли и жили в благоверии и благочестии, таким и Никона вырастили.

Не устояли перед просьбами сына, отпустили в дальнюю дорогу. Только и сказал отец на прощание:

— Ты помни, сынок, слова апостола Павла и живи как чадо света².

С этим отцовским напутствием и отправился Никон в Троицкую обитель.

Дорога легко отсчитывала версту за верстой. То лесная, то полевая, она вывела на простор, и на маковке высокого пригорка путник увидел монастырь.

Частоколом обнесены приземистые избушки, к ним прильнули огородные грядки, а вокруг травостой душистый.

Сразу же поспешил путник к настоятелю — преподобному Сергию Радонежскому. Припав к его стопам, Никон усердно стал упрашивать, чтобы игумен постриг его в иноческий чин.

Авве по сердцу прихлились благоразумие и чистота отрока, и душа его потянулась к Никону.

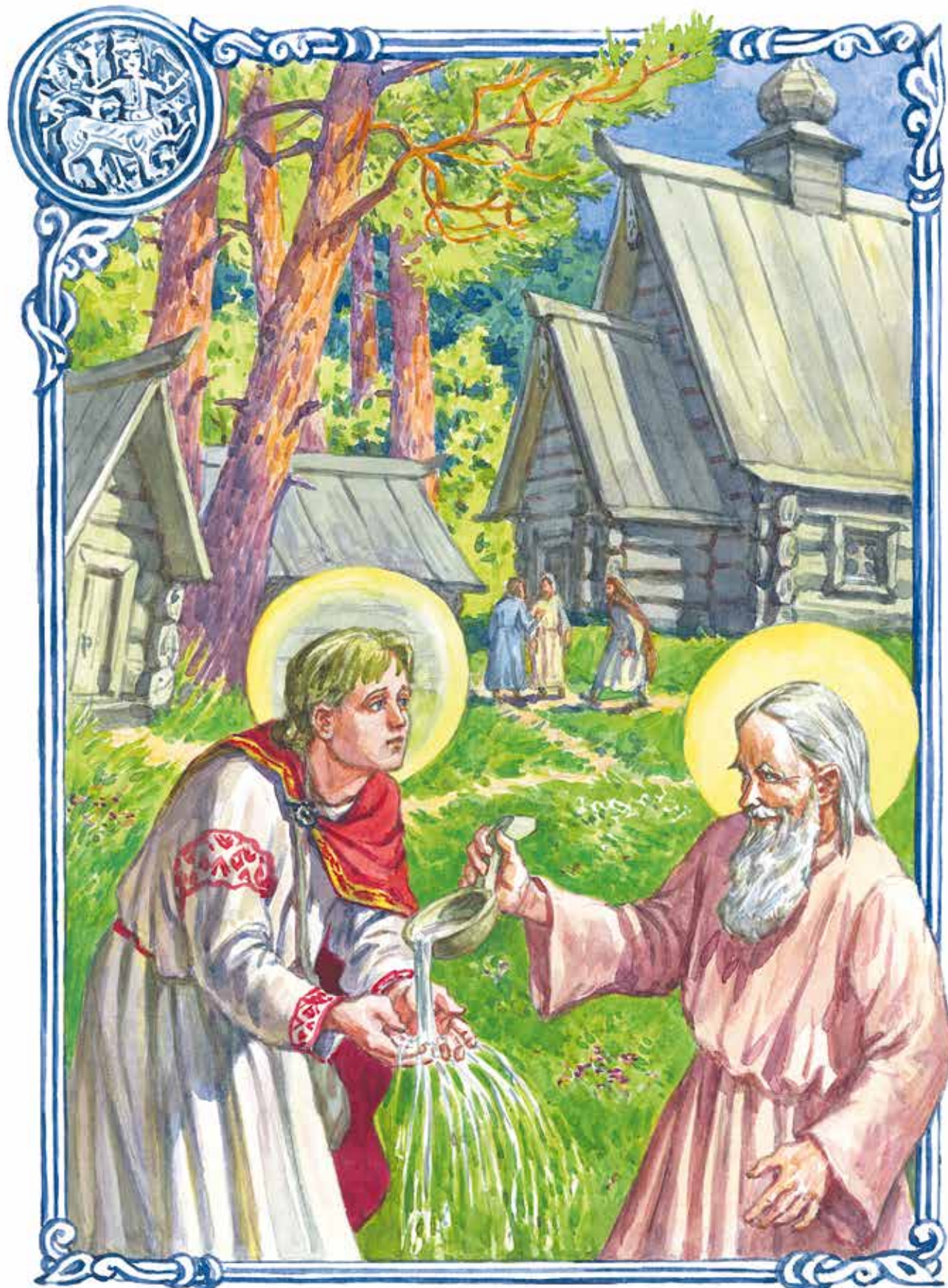
«Необычный проситель пожаловал ко мне, — думал святой Сергий, — духовник будущий, подвижник». И отправил пришедшего на испытание — отослал в научение

к ученику своему преподобному Афанасию Высоцкому, основателю Серпуховского монастыря, славившемуся добродетельною жизнью и искусившемуся в иноческих подвигах.

— Иди без всякого размышления, — сказал он отроку, — и, если Богу угодно, ты примешь там иноческий образ.

Со смирением повиновался Никон.

НА ГОРЕ ВЫСОКОЙ

тоит перед приземистой избушкой крепкий отрок. Одежонка серая-серая, по плечам волосы дорожной пылью окрашены.

— Не по своей воле к тебе пошёл, из Троицкого монастыря направили. Иди, говорят, чадо, без сомнений, отец Афанасий тебя примет, от него ума-разума наберёшься, — а ты не отзываешься. Как же это так?

В это время оконце и распахнулось.

— Ну, пошуми, пошуми, — засмеялся голосок в келье, — а то ко мне всё больше с поклонами да с похвалами. Может, и зазнался от этого?

Ставенка захлопнулась. Дверь заскрипела, и на порожке появился монах. Беленький, невысоконький, в одежонке, заплатками прихваченной. Глаза молодые,

проницательные. Левая рука к сердцу примкнула, а в правой ковш, водицей наполненный.

Соскользнул инок скорёхонько со ступенек и молодцу в пояс поклонился:

— Господь с тобою.

А тот ладони протянул. Льёт отец Афанасий на ладони молодцу воду и улыбается:

— Зовут-то тебя как?

— Никоном. Из Юрьева-Польского я. Слышал, наверное?

— Как не слышать? Не так далеко от нашего Высокого.

А ко мне-то зачем?

— Игумен Сергей благословил. Говорит, тебе непременно надо к отцу Афанасию, поживи у него, научись молитве и смирению.

Да так, слово за слово, и рассказал о себе. О родителях своих. Об иконах, пред которыми в отчем доме молиться любил. А ещё поведал, как сверстники над ним насмеются.

— Да только мне до них дела нет, пусть смеются, «умоленным» меня прозывают. Верить ли, батюшка, разве я могу сердце по-другому биться заставить? Что бы ни делал, о чём бы ни думал, просит душа моя Господнего Слова. А тут ещё весть пришла о блаженном Сергии, что в Троицком монастыре. Да такие похвальные речи о нём народ слагает, захотелось мне к нему. Согрешил я, но по ночам свою молитву твердил: «Боже и Господи, Царю вечный и благосердый, сподобь меня видеть этого святого мужа и последовать ему во всей моей жизни, да спасусь и я его ради и достоин буду вечных Твоих благ, которые Ты обещал любящим Тебя».

— Так в чём ты грех-то узрел? Молитва сама родилась, ты только и сделал, что вслух её произнёс.

— Недостойн я оказался, не принял меня отец Сергей, сказал — рановато тебе в монашество. Потрудиться велел.

— Трудиться всегда богоугодно, только ведь монашеский труд особенный. Много испытаний перенесёшь, пока делу научишься.

— Ты что же, али не веришь, что я многое могу? Не в неге вырос. И косой умею, и топором. Посмотри, какие руки.

Перед собой руки вытянул, на ладони показывает. А они и в самом деле натруженные. Крепкие. Сильные.

— Да вижу, что умелые, это тебе пригодится. Здесь ведь всё дело в другом. Монах на себя за любого человека на земле ответственность принимает и молится Богу о прощении грехов людских денно и нощно. Это ведь только издали кажется, что монахи ничем не занимаются. Ох, как тяжела и скорбна иноческая жизнь: иноки — это самовольные мученики, и мучение их вдвойне тяжко. Мученики, приняв страдание, быстро к Богу отходят, иноки же во все дни жизни терпят страдания. Хотя и не принимают ран от мучителей, но страдают от естества плоти своей и мысленных врагов до последнего издыхания. Если пришёл поработать Богу, приготовь душу свою, чтобы стерпеть искушения и страдания, наводимые врагами. Готов ли ты к этому?

— Готов, батюшка. Верить ли?

— Верю. А звать-то тебя как?

— Так я тебе говорил уже. Никоном нарекли.

— Хорошее имя тебе досталось. В святцах оно толкуется как *побеждающий*. Что ж, оставайся пока.

Так и поселился Никон в Высоцком монастыре.

Днём послушания исполняет, всё больше хозяйскими делами занимается, а вечером с отцом Афанасием молитвы творят да о жизни праведной говорят.

Каждое слово учителя Никон сердцем слушает, но и своё молодое суждение имеет. Все свои мысли игумену Афанасию проговаривает, чтобы тот вразумил, в иноческой жизни наставил.

Пребывал Никон у старца, упражняясь в молитвах, преуспевая в добродетелях, в посте и бдении до самого совершенного возраста.

— Чист и кроток Никон, — говаривал часто отец Афанасий братьям, — вот бы и нам так. К божественным писаниям прилежен, умно священные книги толкует и все желания на стяжание добродетелей устремляет.

— Да что он без тебя, батюшка? — возражала братия.

— Моё дело малое: наставить на большие дела, а видится мне — они ждут его. Настало время иноческим званием его почитать, как считаете?

Совет братский не стал противиться.

— Всё, как батюшка Сергей говорил, отсылая меня к игумену Афанасию. Иди, говорил, чадо, без сомнений в сердце твоём, и, если изволит Бог, ты примешь там иноческий образ. Принял, — залился слезами Никон и припал к руке наставника.

После этого ещё одно лето пролетело, зима ушла, а по весне старец проводил в дорогу монаха Никона:

— Иди к тому, кто ближе твоему сердцу. Авва Сергей тебя уже дождался.

Отправился в дорогу инок Никон, идёт себе налегке, скорёхонько, торопится к тому, к кому стремился, и не ведает он, что пройдёт время и наставник его отец Афанасий просияет Афанасием Высоцким — чудотворцем и заступником.

